

УДК 008

К проблеме «заката» европейской культуры в условиях глобализации

Кургузов Владимир Лукич

Доктор культурологии, профессор,
кафедра истории, культурологии и архивного дела,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Республика Бурятия,
Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в;
e-mail: kurguzovvl@rambler.ru

Аннотация

В статье в рамках культур-философского и культурологического дискурса анализируется весьма неоднозначная проблема оценки современного состояния европейской культуры, подверженной влиянию процесса глобализации. С помощью ретроспективного анализа автор приходит к выводу о том, что никакого «упадка» или «заката» культуры Европы, а тем более угрозы ее «смерти» не существует. Культура лишь изменяется по формам, как в лучшую, так и в худшую сторону, но можно с уверенностью утверждать, что таково ее естественное состояние. В статье также фрагментарно затронут вопрос вектора развития культуры России, как части Европы, и ее места в мире в рамках евразийской цивилизации как «моста» между культурами народов стран Востока и Запада.

Для цитирования в научных исследованиях

Кургузов В.Л. К проблеме «заката» европейской культуры в условиях глобализации // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 59-82.

Ключевые слова

Европа, культура, цивилизация, развитие, интеграция, глобализация, упадок, традиция, инновация.

Введение

Об абсолютном приоритете европейской культуры над другими культурами после появления трудов Э. Дюркгейма и К. Леви-Стросса, развенчавших этот вывод о неравенстве культур всех народов, говорить некорректно. Времена, когда Робинзон был представителем «передовой» культуры, а абориген Пятница – «отсталой», давно канули в лету. Есть немало ситуаций, когда представитель так называемых «аборигенных» культур посрамит любого выпускника Кембриджа или Оксфорда и, в определенных ситуациях, даже спасет его от неминуемой гибели.

Представим себе ситуацию, когда просвещенный европеец окажется посреди австралийской пустыни под палящим солнцем. Это непросвещенный абориген Австралии поможет ему с помощью простой палочки расковырять закаменевшую от зноя землю и выкопать корнеплод, похожий на наш картофель, внутри которого будет находиться живительная влага – вода. Это он научит европейца пользоваться бумерангом и способам добычи огня. В языке «отсталой» культуры кочевых арабских племен почти два десятка обозначений зеленого света, а у российских чукчей около десятка обозначений белого снега. Однако сами европейцы хотя и «утомлены» благами цивилизации, не всегда это замечают, мечтая о восстановлении прежней гегемонии. Между тем всякие «гегемонии» вечными не бывают – они приходят и уходят, подчиняясь объективным законам смены той или иной цивилизации.

При этом вряд ли следует забывать времена, когда предки современных европейцев щеголяли в звериных шкурах, жили в землянках и не знали способов производства металлов, а в это время народы Востока возводили пирамиды, величественные каменные стены и дворцы, сложнейшие ирригационные системы, пользовались компасом. Занимаясь бальзамированием умерших тел, прекрасно изучили анатомию человека, умели рассчитывать расстояния до ближайших планет, производили шелк, порох, строили трехпалубные корабли с телескопическими бамбуковыми мачтами, которые брали на борт до трех тысяч человек...

Смена парадигм произошла позднее, когда культура Запада сориентировалась на науку (она активна), а культура Востока – на религию (она пассивна).

Сегодня произошла та же смена парадигм, но уже в странах Азии, Африки и Латинской Америки, которые сориентировали свои культуры по образцу Европы в сторону научно-технического прогресса, и темпы сегодняшнего развития, например, Японии, Южной Кореи, Китая, Индии, Бразилии и др. говорят сами за себя.

Действительно, Европа, начиная со средних веков, со времени зарождения капиталистических отношений, всегда была на гребне научно-технического и культурного прогресса, если смотреть на это с позиций европоцентризма. Именно благодаря своему быстрому и динамичному развитию европейская культура смогла стать основополагающей традицией на планете и смогла добиться мирового господства, что, в конце концов, вылилось в переход от простейших форм кооперации к глобализации, проходящей именно по *европейскому*, а отнюдь не по американскому образцу, как ошибочно считают отдельные социологи Европы.

Между тем вот уже почти столетие в культур-философской аналитике слышны стоны о деградации европейской культуры, ее угасании и даже неминуемой гибели. Одним из первых пророков такого исхода стал яркий представитель европейской культуры О. Шпенглер, который в 1918–1922 гг. выпустил два тома своей книги с фатальным названием «Закат Европы», в которой был сделан вывод о том, что дряхлеющее тело европейской культуры нуждается в инъекциях, которые нужно взять на Востоке. В частности, он подчеркивает: «Когда цель достигнута и идея, т. е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются». И далее: «Так античная цивилизация времен империи необъятно разрослась... отнимала воздух и свет у молодой арабской культуры Востока» [Шпенглер, 1993, 172–173].

Критический анализ тезиса «заката» культуры Европы

Что же служило причиной такого взгляда Шпенглера на судьбу европейской культуры? Да, прежде всего, декаданс («падение», от лат. *cado* – «падаю»), с его точки зрения, великой европейской культуры в конце XIX – нача-

ле XX века. Несмотря на феноменальную известность этой книги в широких культур-философских кругах, ее содержание вызывает у многих не только восхищение, но и немало вопросов теоретико-методологического порядка. Приведу некоторые из них, которые волей-неволей вызывают некоторое недоумение.

Во-первых, недоумение появляется сразу после того, когда начинаешь осознавать, что Шпенглер понимает под культурой только то, что «радует глаз и ухо», т. е. рассматривает этот феномен с позиций позитивизма, метафизики, а не диалектики. Между тем культура, говоря словами Ф.М. Достоевского, – это область, где «дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» [Достоевский, 1993, 33].

Почему, например, М. Вебер не убоился назвать даже проституцию «феноменом культуры»? «К явлениям культуры, – пишет он, – проституция относится не в меньшей степени, чем религия или деньги, а все они вместе – только потому и только в той степени, в какой их существование и форма, которую они обрели исторически, прямо или косвенно затрагивает наши культурные интересы» [Цит. по: Культурология. XX век. Антология, 1996, 571]. Для Шпенглера такое понимание феномена культуры неприемлемо. А посему случайно ли, что содержание его работы страдает односторонностью и отрицанием внутренних противоречий как источника развития культуры?

Во-вторых, почему он, наделяя европейскую культуру только былыми достоинствами «культурного поводыря народов мира», не замечал всех «культурных гадостей», которых в европейской истории более чем достаточно? Ни одна из восточных культур, включая Россию, не знает, например, таких понятий, как 30-летняя, а уж тем более 100-летняя война.

В те времена, как известно, не было оружия массового поражения, но европейцы и с примитивным ножиком справлялись неплохо: резали всех подряд безо всяких угрызений совести. Шиллер в своей «Истории тридцатилетней войны» – а сия война имела место в самом центре Европы всего-то немногим более 350 лет назад – свидетельствует, что за время войны территория Германии чуть ли не буквально превратилась в пустыню, по которой бродили редкие одичавшие люди и стаи волков, – все разрушила, все смела и пожрала война

[См.: Шиллер, 1960, 86]. Вот вам человечность и гуманность! Вся история человека, начиная с первых его шагов, кровава, и другой она быть не могла – такова уж его природа. Вряд ли стоит удивляться тому, что и две мировых войны были вскормлены именно европейской культурой. Если идеология является бесспорным продуктом культуры, то где, спрашивается, возникли фашистская идеология и фашистские режимы Гитлера, Муссолини, Франко и Салазара? В Европе, конечно...

Великий гуманист XX века Альберт Швейцер, который, будучи талантливым пианистом, ощущая на себе антигуманный характер европейской культуры, закончив медицинский факультет и став врачом, навсегда покинул Европу и всю жизнь безвозмездно лечил аборигенов в джунглях Африки, оценивая европейскую действительность в своей книге «Благоговение перед жизнью», пишет: «...технократические условия, море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее сегодня все человечество... с невероятной жестокостью превращает современного человека в несвободное, несамостоятельное существо» [Швейцер, 1993, 244].

Да, действительно, европейская культура даровала человечеству величайшие имена: Гомера и Аристотеля, Леонардо да Винчи и Коперника, Данте, Шекспира и Гете, Баха и Рафаэля, Ньютона, Гете и Эйнштейна, тысячи славных имен, которые украшают лицо европейской культуры. Однако европейцам не следует забывать и о том, что Европа подарила и жуткие, человеконенавистнические книги типа сочинений двух монахов XV века Я. Шпренгера и Г. Инстинториса «Молот ведьм» (в этой книге дана подробная классификация способов убийств человека) и книги «Майн кампф» Гитлера в XX веке, которая стала катехизисом фашизма. Эти книги – плоды все той же европейской культуры.

Это европейская культура в лице церковной инквизиции сначала сожгла на костре Джордано Бруно, а уже в наши дни Ватикан канонизировал этого великого человека. «Извините, мол, ошибочка вышла...» Но католическая религия, как плод европейской культуры, разве не ответственна в ходе истории за тысячи подобных деяний?

В развитие всего сказанного выше добавим бесспорную мысль Э.А. Позднякова, который в своей «Философии культуры» пишет: «Культура, как тако-

вая, культура, взятая в целом, объемлет не только «высокое», но и «низкое», не только взлеты, но и падения, не только чистое, но и подлое и грязное; не только созидательное, но и разрушительное, не только доброе, но и злое...» «Другими словами, – продолжает он, – культура – это каждый предпринимаемый человеком шаг; всякий его поступок, любая его деятельность, отдыхает он при этом или трудится, любит или ненавидит, верит или отрицает» [Поздняков, 1999, 11].

В-третьих, весьма проблематичным выглядит тезис Шпенглера о том, что именно в лоне европейской культуры впервые появился феномен гуманизма. Нет, это не так, ибо даже сам термин «гуманизм» впервые прозвучал на Востоке, на фарси и был художественно осмыслен выдающимся арабским поэтом Саади:

*Все племя Адамово – племя одно
Из праха единого сотворено.
Коль тела всего только ранена часть,
То телу всему в трепетание впасть.
Над горем людским ты не плакал вовек,
Так скажут ли люди,
Что ты человек?* [Саади, 1962, 37]

Кроме того, задолго до европейского Ренессанса гуманизм как система ценностей, как мировоззрение, тесно связанное с наукой, разумом, представлениями о демократии и социальной справедливости, восходит к временам не только Древней Греции, но и Древнего Китая и Древней Индии.

Разве не об этом свидетельствуют слова основателя учения дао в Древнем Китае Лао-Цзы (579–499 гг. до н. э.): «Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое – это человеколюбие, второе – бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других» [Цит. по: Борзенко, Кувакин, Кудишина, 2005, 11]? Разве не о том же говорил древнекитайский мыслитель Конфуций, по мысли которого гуманность и этикет сначала проникают в семью, затем создают мир в государстве, а благополучное государство в свою очередь приносит человеку счастливую жизнь? [Там же]

Современные теоретики европейского гуманизма редко вспоминают, что не европеец, а представитель китайского легизма Мэн-Цзы (372–289 гг. до н. э.)

впервые разработал двенадцать принципов успешного правления и даже попытался внедрить их в жизнь. Согласно Мэн-Цзы, началом гуманности является *соболезнующее* и *сострадающее* сердце, а началом справедливости – стыдящееся и негодующее на другого человека сердце.

По мнению исследователей, даже термин «гуманизм» впервые прозвучал в Европе довольно поздно – лишь в 1808 году. Его применил друг Шиллера и Гегеля, педагог Ф. Нитхаммер [Гриненко, 1999]. Бесспорно, можно согласиться лишь с тем, что европейский Ренессанс – это ярко выраженный гуманистический тип культуры. Следует признать также тот факт, что основные ценности гуманизма получили широкое признание в эпоху именно европейского Просвещения. Что выдающимися гуманистами в Италии стали Франческо Петрарка Джованни Боккаччо, Лоренцо Валла, Пико де ла Мирандола, Томас Мор в Англии, Франсуа Рабле и Мишель Монтень во Франции, Эразм Роттердамский, Себастьян Брант, Ульрих фон Гуттен в Германии.

В-четвертых, марксизм как научное мировоззрение – тоже феномен европейской культуры. И этим, скорее всего, стоило бы гордиться. Однако Шпенглер безосновательно объявил социалистическую формацию «фазой упадка европейской культуры». Действительность же давно перечеркнула доводы Шпенглера, ибо, несмотря на крушение лагеря социализма, некоторых его базовых примет, ценностей социализма в ряде стран Европы больше, чем их было в Советском Союзе. Скорее всего, прав все же В.И. Ленин, который заметил, что «...как бы ни хныкали «шпенглеры» по поводу упадка «старой Европы», – это всего лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистическим грабежом и угнетением большинства населения земли» [Ленин, 1975, т. 45, 174].

В-пятых, почти одновременно с «Закатом Европы», в 1923 г. была опубликована статья великого гуманиста XX века Альберта Швейцера «Распад и возрождение культуры» [Швейцер, 1990], в которой упадок европейской культуры осмысливался тоже как трагедия мирового масштаба. Однако, если согласно Шпенглеру «закат» вообще невозможно конвертировать в «восход», то А. Швейцер верил в «восход». Для этого, с его точки зрения, необходимо было, чтобы европейская культура обрела вновь прочную *этическую* основу, в каче-

стве которой он предложил свою этику *гуманизма*, этику «*благоговения перед жизнью*» и вплоть до 60-х годов практически следовал ей, не разуверившись в ней даже после двух мировых войн и всех революций XX века.

Кто же прав в этом споре? Мне представляется, что А. Швейцер с его идеей гуманизма, которая, по существу, не имеет себе никаких альтернатив. А кто прав, О. Шпенглер или автор «Протестантской этики» М. Вебер, который полагал, что европейскую культуру нельзя измерять прежними ценностными критериями, на смену им пришла универсальная рациональность, что меняет представление об этой культуре, и поэтому о гибели ее не может быть и речи [Вебер, 1990]? И здесь поддержать следует вывод Вебера, ибо вывод этот вполне очевиден.

В-шестых, если европейская культура, по мнению Шпенглера, куда-то «падает», то, как остроумно подметил Ортега-и-Гассет, «если что-то и «падает», то всегда сверху вниз» [Ортега-и-Гассет, 1989, 129]. Эта простая истина означает как минимум то, что от суждения О. Шпенглера об «упадке» культуры мы должны потребовать обозначения того, что понимается им под «верхом» культуры, откуда предположительно она падает. Однако «верх» у всех разный. Кому-то нужна, может быть, философия музыки Баха, а кому-то и шлягера достаточно. Кому-то нужны «Страдания молодого Вертера» Гете, а кому-то «Майн кампф» Гитлера. Все это продукты все той же матушки-культуры. Поэтому никуда культура не «закатывается», не «падает» и уж тем более не «исчезает». Она лишь *видоизменяется по формам*, и, к сожалению, не всегда в лучшую сторону. Но это ее естественное состояние. Вывод Шпенглера о том, что «живые культуры умирают», который он поместил на первую страницу своего сочинения, – изначально ошибочен. Культура вообще и культура Европы в частности умрет только с исчезновением последнего на земле человека, ибо животным она вообще не нужна – им все дала Природа, а Культура дала все недостающее, т. е. то, чего лишила человека Природа.

Другой вывод Шпенглера, когда он предрекает «смерть» культуры от наступления «*бескультурья*», можно назвать непростительным методологическим просчетом и даже абсурдом в понимании сущности феномена культуры. Именно этот просчет и привел сегодня некоторых культурологов к совершенно

нелепому выводу о возникновении какой-то «*контркультуры*», в которую, как справедливо отметил Э.А. Поздняков в своей «Философии культуры», как в выгребную яму свалили все нравственные нечистоты современного общества: проституцию, наркоманию, преступность и прочие неприятно пахнувшие явления [Поздняков, 1999].

Где же, спросим мы вслед за ним, граница между культурой и контркультурой? Или же она существует лишь в головах некоторых культурологов, которые считают своим профессиональным долгом относить к культуре только то, что радует глаз и ухо и о чем можно говорить в возвышенных тонах?

Между тем «контркультура» есть только одна – это *Природа*, которая пока еще не *Культура*, а последняя – уже не *Природа*. Все остальное, как со знаком «плюс», так и со знаком «минус», суть продукты Ее Величества Культуры. Шпенглеровское «бескультурье» – это не отсутствие культуры, а наличие форм культуры более низкого уровня и ничего более. Однако понятия «низа» и «верха» в культуре весьма относительны. У каждого они свои. И при этом нередко меняются местами.

Учитывая все вышесказанное, надо все же согласиться с бесспорным выводом Шпенглера о том, что в мире мы наблюдаем разительное несходство типов мышления у разных народов. Довольно убедительно выразил эту идею один из идеологов французского национализма М. Баррес: «Если бы я стал даже натурализованным китайцем и скрупулезно следовал бы догматам китайской жизни и китайским законам, я бы не перестал мыслить как француз и выражать свои мысли так, как это свойственно французам» [Цит. по: Hayes, 1976, 130].

Пессимистические прогнозы развития европейской культуры продолжают появляться до сих пор. И опять же современные последователи Шпенглера не хотят смотреть на этот процесс с позиций диалектики, т. е. объективно. Сегодня эти прогнозы связываются с процессами *глобализации*.

Глобализацию можно представить в трех измерениях:

1) как объективное явление мирового экономического, политического и культурного развития;

2) как *цель*, выдвигаемую политическим руководством государств мира;

3) как *методологию* анализа развития стран и международных отношений.

И стоит глобализация на «трех китах»: глобальной экономической интеграции на основе господства транснациональных корпораций, контролирующих более половины ВВП и почти всю международную торговлю; формировании глобального информационного пространства, обеспечивающего свободное движение информации (коммерческой, культурной, научно-технической, политической и пр.), и реструктуризации геополитического пространства в результате распада СССР, торжества западной цивилизации и все более ощутимого диктата одной сверхдержавы США, опирающейся на военный блок НАТО.

Ничего нового в явлении глобализации, в сущности, нет, а посему автору статьи непонятно: почему на процессы глобализации крайне негативно смотрят не только западноевропейские либералы, но и неомарксисты?

Между тем известный московский философ и культуролог Б.С. Ерасов еще в конце 90-х годов прошлого века не без оснований замечал, что «...для сторонников марксистского подхода К. Маркс остается важным основателем глобалистского понимания общественных процессов. Этот глобализм вытекает из того постулата, что именно разделение труда и накопление капитала как главной производительной силы является движущей силой истории» [Ерасов, 1999, 523].

Этот вывод вполне закономерен, ибо всем известно, сколь настойчиво проводилась последователями К. Маркса (и не только в СССР) идея о неизбежности стирания не только национальных, но даже цивилизационных различий в будущем коммунистическом обществе. Эта позиция, в частности, лаконично выражена практически во всех энциклопедических словарях: «В зрелом коммунистическом обществе можно предвидеть слияние наций в единое человечество» [Советский энциклопедический словарь, 1979, 880]. Современным марксистам – критикам глобализации не лишним будет вспомнить и то, что поскольку марксизм являлся одной из ветвей западной экономической мысли (а если точнее – европейской), то он выражал перспективу трансформации наций и цивилизаций по западному образцу, игнорируя особенности восточных цивилизаций, представляющих якобы упадочный и отмирающий азиатский способ производства.

Не снимается с повестки дня и тезис о том, что глобализация – могильщик европейской культуры. Так, например, широко известный французский философ и культуролог, занимающийся проблемами развития современной европейской культуры массового потребления и глобализации, А. де Бенуа в одной из последних своих книг «Против либерализма» отрицательно смотрит на явление глобализации, которая, с его точки зрения, несет гибель всем национальным культурам и стирает национальную идентичность; считает, что *глобализация* способна за относительно короткое время полностью разрушить традиционную европейскую культуру и заменить ее на массовую, *потребительскую* культуру постиндустриального общества, победоносно шествующую по планете и поглотившую уже изрядное количество локальных культур [Бенуа, 2009].

Этот вывод представляется излишне ригористичным. Разве, например, первобытное, рабовладельческое или феодальное общества были лишены культуры потребления? Разве они не являлись обществами *потребления*? Да человечество никогда и не выходило из пространства потребления. Скорее всего, мы просто переходим к обществу потребления другого уровня. Да и сама глобализация возникла не из небытия. На смену простейшей *кооперации* первобытного общества пришла *интеграция*. А сегодня на смену интеграции пришла *глобализация*. Жизнь сама потребовала сменить интеграцию на глобализацию. И на нее вовсе не стоит смотреть, как на вселенское пугало. В этом явлении есть немало позитивного. При этом следует лишь помнить, что «плюсов» без «минусов» не бывает. И глобализация, конечно же, несет в себе много негативного, прежде всего, для судеб традиционных культур. Однако и здесь идет своего рода «естественный отбор», ибо в традиционных культурах есть много того, что просто обязано уйти, и чем быстрее, тем лучше. В бездумной идеализации традиции нередко больше вреда, чем от глобализации.

Например, что нам, россиянам XXI века, делать, если вернем традиционную ценность русской средневековой культуры, выраженную в одном правиле «Домостроя»: «У бабы дорога – от печи до порога»? Коллапс. Неминуемая гибель современной российской цивилизации. Причем гибель в считанные даже не дни, а часы, если учесть удельный вес женщин практически во всех об-

ластях экономики, науки, культуры и образования и здравоохранения страны. Стоит ли бороться за такую традицию? Нет, не стоит. Борьбу за сохранение традиций тоже не надо доводить до абсурда.

С другой стороны, я знаю немало примеров, когда вопреки всем прогнозам о смерти традиционных культур они живут и умирать не собираются. Например, в Австралии, Новой Зеландии, Аргентине, Бразилии, Уругвае, Канаде живет много русских староверов, эмигрировавших туда еще в начале XX века. Живут в глобальном окружении чужих культур, однако их дети используют русский язык гораздо чище, чем дети таких же староверов в современной России.

Что же касается сохранения так называемой «чистоты» традиционных культур народов Европы, то и в этом вопросе не все так просто. В моем родном русском языке, например, три четверти заимствований. Наверное, их не меньше и в немецком, французском или английском языках. Во всяком случае, я точно знаю, что аллигаторы в Темзе не водятся, однако в «Большом Кембриджском словаре» слово «аллигатор» представляется в качестве английского. Ну, и что теперь делать бедным англичанам? Менять это слово? Издавать новые словари?

Пылкие противники глобализации пока еще не знают, с чем, безусловно, нужно бороться, а с чем нельзя, да и незачем, ибо в этой борьбе можно дойти до полного абсурда. Во всяком случае, вслед за автором книги «Утопия и утопическое мышление» К. Мангеймом хочется сказать, что «...закат культуры не может быть принят носителями этой культуры как ее гибель, ибо признать это выше сил живого существа» [Цит. по: Чаликова, 1991, 23].

А. де Бенуа убежден в том, что глобализация несет гибель разнообразным национальным культурам и стирает национальную идентичность. Он утверждает, что видимые культурные различия размываются под напором глобализации американского образца и появляется новый феномен «мир без внешнего мира». Во многом с ним следует согласиться. Однако не следует забывать, что глобализация – чрезвычайно сложный, противоречивый и многоаспектный процесс, который *не имеет* единого координационного центра, поэтому все попытки поиска источника глобализации тщетны.

Прежде всего, следует иметь в виду, что данный феномен обладает принципиально иной природой, он находится выше уровня государств на некоем аб-

страктном национальном уровне, тем самым он в корне отличается, например, от коммунизма, либерализма и других подобных социально-политических систем. Рассматривать США как распространителя глобализации не совсем верно, ибо, несмотря на силу и мощь американского влияния на планете, США, как и остальные страны, подвержены пагубному воздействию глобализации. США страдают от притока нелегальных мигрантов, распространения наркотиков, незаконной торговли оружием, что в существенной мере является следствием обозначенных процессов глобализации.

С другой стороны, сегодняшним борцам за чистоту европейской культуры вряд ли стоит забывать о том, что не только американские, но и европейские либералы страстно мечтали о крушении советской политической системы и крушении Советского Союза. И не только мечтали, но и многое делали, чтобы это произошло. Их ожидания оправдались – советской системы сегодня не существует. Однако господа либералы основательно забыли, что, как справедливо отмечает все тот же А. де Бенуа, «советская система активно выступала в качестве противовеса быстрому распространению американской военной машины и глобализации американского образца» [Бенуа, 2009, 174]. Сегодня этого противовеса нет – и глобализация свободно «гуляет» по городам и весям Европы, которая уже стонет от нашествия беженцев с арабского Востока. Европейцам впору забыть про шенгенскую зону, снова вкапывать пограничные столбы и оплетать бухтами колючей проволоки свои границы, что, собственно, и происходит в наши дни. Как говорят на Руси: «За что боролись – на то и напоролись».

Ну а что же происходит с Россией? Она же не перестала быть частью Европы? И все тенденции как «развития», так и «упадка» культуры, присущие Европе, должны были бы так или иначе найти свое отражение в России.

Если в XIII–XIV веках здесь наблюдалась тенденция усиления влияния восточных цивилизаций (вассальная зависимость от Золотой Орды, покорение Сибири и, как следствие, включение в состав населения Российской империи значительной прослойки народов Востока), то с XVIII по начало XX века преобладала тенденция сближения с западной цивилизацией, особенно в эпоху Петра I, Екатерины II, Александра I и в первой четверти XX века, когда большевики

попытались осуществить грандиозный эксперимент по переустройству общества (кстати, на европейской основе, ибо марксизм – продукт европейской культуры). Но уже с 30-х годов в условиях противостояния с западным капиталистическим миром наблюдается движение на Восток – и не только в форме участия в происходящих там революционных движениях, но и с все более откровенным использованием во внутренней политике методов восточной тирании.

С 60-х годов XX века усиливаются западнические веяния, которые достигли своего апогея в 90-е годы, когда была предпринята смелая, но крайне безрассудная попытка механического переноса на российскую почву образцов западной цивилизации и культуры. В ходе этих действий произошел распад не только СССР, но и таких интеграционных с европейскими странами объединений, как Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) и Совет стран Варшавского договора, с добровольным отказом от значительной части исторического наследия.

Такая авантюристическая политика не могла дать положительных результатов. Нежные ростки западной цивилизации так и не приживались на суровой российской почве. Но уже с конца 90-х годов прошлого века становилась все более очевидной бесперспективность и опасность нового грандиозного эксперимента по вестернизации России. Культурное наследие, которое собиралось веками, было бездарно растрчено за несколько лет.

Постепенно пришло понимание трагической ошибки в выборе курса, приоритета собственных геополитических интересов, начинаются попытки найти свое место в цивилизационной нише между Западом и Востоком. Активировалась восточная политика России – к великому неудовольствию лидеров западных стран. Однако как у России, так и у евразийской цивилизации в целом, к сожалению, к началу XXI века осталось слишком мало сил, чтобы претендовать на лидирующую роль в мире или «на равных» соперничать с мощными цивилизациями Запада. Поэтому установки на лидерство в становлении нового миропорядка могли породить лишь несбыточные иллюзии и привести к краху очередного эксперимента. К тому же события 90-х годов в России нашем государстве привели к потере былого имиджа лидирующей страны среди иных народов и цивилизаций.

Но у России нашлась ниша, которая не противоречит тенденциям глобализации и которую она в состоянии освоить и эффективно в ней функционировать. Эта ниша – стать *мостом* между *Западом* и *Востоком*, способствовать предотвращению их столкновения и развитию партнерства.

Для этого у России и других стран евразийской цивилизации есть необходимые предпосылки: выгодное географическое положение на евразийском континенте, исторический опыт, великая культура, впитавшая достижения как западных, так и восточных цивилизаций, терпимость, способность понять и усвоить творческие достижения других народов. Эти предпосылки отчетливо сформулировал академик Н.Н. Моисеев: «Север Евразии представляет собой мост между двумя очень разными цивилизациями, позволяющий позаимствовать опыт и мудрость обоих берегов... Положительную роль мог бы играть духовный фактор – система российских культурных традиций, позволяющая сочетать многие особенности европейского Запада и тихоокеанского Востока. Разумное использование обеих этих возможностей может открыть для нашей страны достаточно оптимистические перспективы... Роль России может оказаться чрезвычайно важной в условиях нарастающего противоречия между группой Азиатско-Тихоокеанских цивилизаций и Евро-Американской цивилизацией» [Моисеев, 1999, 249–250].

Такой подход полностью отвечает идее, высказанной российским философом Н.А. Бердяевым еще в 1908 году: «Судьба мировой истории зависит от соединения Востока и Запада, но для этого соединения Восток и Запад должны отречься от своей ограниченности, должны учиться друг у друга, каждая из частей мира должна осуществить свое призвание в целом. Тогда лишь Россия будет великой, когда она исполнит свое призвание посредника между Востоком и Западом» [Бердяев, 1998, 132].

В книге «Судьба России», опубликованной в 1918 году, Н.А. Бердяев развил эту идею: «Россия должна явить тип востоко-западной культуры, преодолеть односторонность западноевропейской культуры с ее позитивизмом и материализмом, самодовольство ее ограниченных горизонтов... Мы должны перейти в мировую ширь. А в этой шире должны быть видны древние религиозные истоки культур. Восток по-новому должен стать равноценным Западу» [Бердяев, 1999, 387].

По существу, здесь предвосхищается проблема взаимодействия и диалога цивилизаций Востока и Запада, которая во весь рост встала сегодня перед человечеством, как проблема его выживания, и которая была признана ключевой на круглом столе по диалогу между цивилизациями на саммите тысячелетия в ООН уже 5 сентября 2000 года.

Однако если России суждено стать евразийским мостом между культурами Востока и Запада, то нужно четко определить: какие ценности она может предложить сегодня для этих цивилизаций?

Отвечая на этот вопрос, доктор экономических наук, академик РАН Ю.В. Яковец подчеркивает: «Очевидно, что как экономический партнер Россия сейчас мало привлекательна для Запада и Востока: Запад рассматривает ее как источник сырья и рынок сбыта готовой продукции; для восточных цивилизаций... могут быть соблазнительными некоторые высокие технологии, накопленные в прошлые десятилетия в оборонном комплексе» [Яковец, 2001, 16].

Много разговоров сегодня о безграничности и богатстве природных ресурсов России, с помощью которых она может «стричь купоны» на мировом рынке. Однако, по мнению Ю.В. Яковца, «...это опасная иллюзия. Лучшие минеральные и лесные ресурсы быстро отрабатываются и исчерпываются, для их пополнения средств нет» [Там же, 52]. Да и самим запасам природных ресурсов России за последнюю четверть века, добавим мы, нанесен невосполнимый ущерб в результате хищнической эксплуатации недр, лесных пожаров, вырубки лесов и, как следствие, обмеления рек и озер.

По всему выходит, что у нас сохранились только некоторые продукты, которые могут представить интерес для цивилизаций Запада и Востока, – это продукты *духовного воспроизводства*, прежде всего фундаментальная *наука*, *образование* и *культура*. Эти продукты тем более ценны, что именно им в постиндустриальном обществе принадлежит первостепенная роль.

Россия обладает многонациональной культурой, оказавшей в XIX и XX веках заметное влияние на культуру не только Европы, но и мира в целом. Воспитанная веками этика и терпимость к иным взглядам и конфессиям, способность выдержать трудные испытания – все это элементы этики будущего. И хотя приходится с огорчением признать, что этические основы российского

общества, ценности образования и культуры быстро размываются, начиная с 90-х годов прошлого века, «...именно концентрация внимания на опережающем развитии социокультурной сферы даст России уникальный шанс стать мостом между Востоком и Западом» [Там же, 53].

Все вышесказанное касалось в основном вопросов глобального порядка. Однако в заключение возникает сам собой вопрос: «Ну а что же происходит с обычным человеком, творцом и субъектом культуры, в условиях процессов глобализации?»

Типичный современный европейский обыватель сегодня – это либеральный индивид-потребитель. Появление такого индивида перекликается с всепоглощающим господством материальных и рыночных ценностей над духовными в обществе, где всем правит рынок, все поддается оценке и точному подсчету. С появлением рыночной экономики даже у нас, в России, такие ценности, как порядочность, честность и нравственность, девальвируются с ужасающей скоростью. Чтобы убедиться в этом, достаточно примеров судебных разбирательств не только с региональными российскими казнокрадами, но и с министрами, губернаторами, отечественными олигархами в том числе. Можно сказать и так, что идеология прибыли сегодня находится в прямом антагонизме с нравственностью, которая отчаянно сопротивляется и отказывается подчиняться рационалистическим веяниям времени.

Одним из самых пагубных влияний глобализации на культуру европейских народов, по мнению А. де Бенуа, является то, что распространяемая рыночная модель становится всеобщей. Масса областей (культура, искусство, образование, спорт), не подпадающих ранее под влияние капитала, стали полностью зависимыми от него. Финальной же целью европейского либерализма, как полагает он, является полное уничтожение всех духовных и нравственных ценностей и создание глобального рыночного общества. В таком обществе коммерческие итоговые ценности становятся единственными. «У торговца нет родины, – заключает А. де Бенуа, – он может поселиться в любой стране. Родина – там, где он умножает свою прибыль» [Бенуа, 2009, 41].

Этому трудно что-то противопоставить, ибо, только сохранив базовые ценности гуманизма традиционной европейской культуры, можно было бы гово-

речь о ее светлом будущем. К этому я бы добавил и то, что возвращение к духовным ценностям народов Европы прежнего, весомого статуса, вероятно, возможно только через осознание каждым европейцем, каждым россиянином в том числе, ограниченности возможностей рыночной экономики, накопления и потребления благ. Широкая пропаганда разумного потребления должна логически грамотно обосновать необходимость пересмотра существующей доктрины общественного устройства и вернуть морали и нравственности, гуманитарной культуре в целом их законное место.

Заключение

Что все это означает для каждого отдельно взятого государства, как части Европы? Действовать с позиции реализма значит понимать глобализацию и ее как позитивные, так и негативные последствия в качестве, прежде всего, объективного фактора исторического развития.

В этом отношении вряд ли стоит излишне терзаться вопросами исключительности и самобытности своего французского, немецкого, английского, российского или другого развития – они и так никуда не денутся в силу уникальности культуры любого государства.

В то же время вряд ли целесообразно какой-либо европейской стране, России в том числе, возлагать на себя миссию спасителей всего человечества, равно как и строить собственный рай в одиночку, да еще и во имя будущих поколений за счет поколения настоящего. Не соответствует позиции реализма и поиск врагов всегда и повсюду, что, конечно же, не означает, что их вовсе нет или что противостояние и столкновение интересов различных стран и народов в условиях глобализации ослабевает. Скорее наоборот, противоречия растут и обостряются, а каждое государство при этом преследует, прежде всего, собственные интересы. Так было, и так останется, пока будут существовать суверенные государства, которые не завтра и не так легко перестанут быть таковыми.

Убедительным подтверждением этого вывода служат нынешние санкции ряда западноевропейских стран под руководством США против России. Последствия этих санкций, конечно, болезненны для нашей страны, но они не

менее болезненны и для стран – их инициаторов. А если к этому прибавить последние «гримасы» европейской культуры (например, пропаганда гомосексуальных связей, свобода однополых браков и т. п.), то в этом аспекте говорить сегодня о ничем не омраченном «восходе» европейской культуры к элементарной разумности и гуманности преждевременно. И в этом смысле следует все же признать, что тенденции «заката», отмеченные в свое время О. Шпенглером, пусть даже не глобального, а локального порядка, в современной Европе вполне очевидны.

Что же касается России в роли «моста» между культурами народов Европы и Азии, то этот «мост» должен быть надежным, прочным, устойчивым при любых потрясениях и ударах стихии. А для этого нужен особый пассионарный прорыв для формирования активного и сплоченного авангарда, увлекающего за собой основную массу общества. Такого «прорыва», с моей точки зрения, к сожалению, до сих пор нет.

Политическая, деловая и интеллектуальная элита СНГ скорее расколота, чем объединена, погрязла в амбициях, борьбе за власть и богатство, потеряла ответственность за судьбу СНГ перед своими народами и будущими поколениями. Отсутствуют общие идеологические ориентиры, создан простор для эклектической «свалки» разных культур, религий, мировоззрений.

Разве не примечательно то, что, несмотря на существующий договор о коллективной безопасности стран СНГ, я, например, не ощутил единого порыва решительного осуждения акта недавнего расстрела турками российского самолета в небе Сирии не только со стороны большинства государств Средней Азии и Кавказа, но даже со стороны наших братьев-славян белорусов? Солидарность на многочисленных митингах проявили народы стран, вовсе не входящих в СНГ: болгары, сербы, греки, французы, испанцы...

В связи с этим уместно вспомнить грозное предостережение Питирима Сорокина, которое в данном контексте можно было бы адресовать правящим кругам как Европы, так и СНГ:

«Невозможно для Запада, Востока и всей человеческой культуры оставаться неограниченное время в состоянии неопределенной громадной эклектической «свалки», заполненной разнородными обломками чувственной, идеациональ-

ной, интегральной культур и других социокультурных скоплений... Любая великая культура, которая заканчивает свою жизнь превращением в этот вариант перманентной «свалки», теряет свою индивидуальность и становится просто материалом, просто «цивилизационным навозом и удобрением» для других великих цивилизаций или культурных систем. И любой народ, общество или нация, которая не может создать свой социокультурный порядок вместо того, который распался, перестает быть лидирующим «историческим» народом или нацией и просто превращается в «этнографический материал», который будет поглощен и использован другими более творческими обществами или народами» [Сорокин, 1997, 106–107].

И все же хотелось бы закончить статью на оптимистической ноте. Любопытно то, что важнейшую роль России в цивилизационном прогрессе, в наведении мостов между Востоком и Западом отмечали не только славянофилы и современные противники вестернизации, но и некоторые дальновидные западные мыслители. Ярким примером этого может служить книга немецкого философа Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока», впервые опубликованная еще в 1938 году в Швейцарии и затем переизданная в 2000 году в России.

В. Шубарт предсказывал смещение центра тяжести культуры, передачу лидерства из Западной Европы к славянам, особенно русским: «Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души. Задача России в том, чтобы вернуть душу человеку. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила и разрушила в себе... Россия единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее... Русский обладает для того теми предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов» [Шубарт, 2000, 22, 33, 34].

В заключении книги перспективы западно-восточного примирения и роль в нем России выражены явно и образно: «Россия – не сегодняшняя, а грядущая – есть то бодрящее вино, которое способно оживить обессиленную жизнь современного человечества. А Европа – крепкий сосуд, в котором мы можем сохранить это вино... В обновлении человечества, связанном, точнее совпадающем с задачей западно-восточного примирения, акцент должен быть поставлен на русскую сторону – сторону жизни, а не сторону формы» [Там же, 307].

Библиография

1. Бенуа А. де. Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009. 480 с.
2. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон, 1998. 195 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Эксмо-пресс; Харьков: Фолио, 1999. 734 с.
4. Борзенко И.М., Кувакин В.А., Кудишина А.А. Человечность человека. Основы современного гуманизма. М.: МГУ, 2005. 389 с.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 43-271.
6. Гриненко Г.В. Хрестоматия по истории мировой культуры. М.: Юрайт, 1999. 672 с.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1873–81). М.: Эхо, 1993. 234 с.
8. Ерасов Б.С. (сост.) Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М.: Аспект-пресс, 1999. 886 с.
9. Культурология. XX век. Антология. М.: Университетская книга, 1996. 658 с.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1975. 729 с.
11. Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству. М.: Ульяновский дом печати, 1999. 288 с.
12. Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 129-130.
13. Поздняков Э.А. Философия культуры. М.: Интерреклама, 1999. 576 с.
14. Саади. Бустан. Лирика. М., 1962. 155 с.
15. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1979. 1600 с.
16. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 350 с.
17. Чаликова В.А. (сост. и ред.) Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. 405 с.
18. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1993. 343 с.
19. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1990. 343 с.
20. Шиллер Ф.П. Ф. Шиллер: жизнь и творчество. М.: Искусство, 1960. 157 с.
21. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. 587 с.
22. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. 444 с.

23. Яковец Ю.В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века. М.: МФК, 2001. 68 с.
24. Hayes C. The Historical Evolution of Modern Nationalism. N-Y., 1976. 175 p.

On the "decline" of European culture in times of globalization

Vladimir L. Kurguzov

Doctor of Cultural Studies,
Professor at the Department of history, cultural studies and archival science,
East Siberia State University of Technology and Management,
670013, 40V Klyuchevskaya st., Ulan-Ude,
the Republic of Buryatia, Russian Federation;
e-mail: Kurguzovvl@rambler.ru

Abstract

The objective of this article is to address rather controversial issue of evaluating a modern state of European culture affected by the process of globalization in the culturological, cultural and philosophical discourses.

While the retrospective analysis provides a brief history and a critical overview of works on the subject of the Western culture decline, it exhibits that only forms of culture can change for the better or worse. And this change is a natural way of the development of culture.

In the modern world such a negative outlook is largely attributed to the processes of globalization. The author argues with the statement offering simultaneously a review of main features of the processes from this perspective and dwelling on what happens with an ordinary person as a subject and an object of culture in times of globalization.

The author principally concludes that the European culture does not have a tendency to "decline", "fall" or "vanish".

In addition, the study provides a brief insight into a Russia's culture direction path as a part of Europe and as a central part of Eurasian civilization, thus being a "bridge" that connects Western and Eastern cultures. The author emphasizes the need to clearly identify the values that Russia can offer to both worlds.

For citation

Kurguzov V.L. (2016) K probleme "zakata" evropeiskoi kul'tury v usloviyakh globalizatsii [On the "decline" of European culture in times of globalization]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 1, pp. 59-82.

Keywords

Europe, culture, civilization, development, integration, globalization, decline, tradition, innovation.

References

1. Benoist A de. (2009) *Protiv liberalisma: k chetvertoi politicheskoi teorii* [Against liberalism: on the 4th political theory]. St. Petersburg: Amfora Publ.
2. Berdyaev N.A. (1998) *Dukhovnyi krizis intelligentsia* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Moscow: Kanon Publ.
3. Berdyaev N.A. (1999) *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Eksmopress Publ., Kharkiv: Folio Publ.
4. Borzenko I.M., Kuvakin V.A., Kudishina A.A. (2005) *Chelovechnost' cheloveka: Osnovy sovremennogo gumanizma* [Humanity of a human: basics of the modern humanity]. 2nd ed. Moscow: Moscow State University.
5. Chalikova V.A. (1991) *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoi literatury* [Utopia and utopian thinking: the anthology of foreign literature]. Moscow: Progress Publ.
6. Erasov B.S. (comp.) (1999) *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations]. Moscow: Aspekt Press Publ.
7. Grinenko G.V. (1999) *Khrestomatiya po istorii mirovoi kul'tury* [Reading book on a history of the world culture]. Moscow: Yurait Publ.

8. Hayes C. (1976) *The historical evolution of modern nationalism*. New York: Macmillan.
9. Lenin V.I. (1975) *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collection of works], Vol. 45. Moscow: Izd-vo polit. lit. Publ.
10. Levit S.Ya. (ed.) (1996) *Kul'turologiya. XX vek. Antologiya* [Culturology. 20th century. Anthology]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ.
11. Moiseev N.N. (1999) *Byt' ili ne byt' chelovechestvu* [Mankind: to be or not to be]. Moscow: Ul'yanovskii dom pechati Publ.
12. Ortega y Gasset J. (1930) *La rebelión de las masas*. Madrid: Revista de Occidente. (Russ. ed.: Ortega-i-Gasset H. (1989) *Vosstanie mass. Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 3, pp. 129-130.)
13. Pozdnyakov E.A. (1999) *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of culture]. Moscow: Interreklama Publ.
14. Schubart W. (1946) *Europa y el alma del Oriente*. Madrid: Studium de Cultura. (Russ. ed.: Shubart V. (2000) *Evropa i dusha Vostoka*. Moscow: Russkaya ideya Publ.)
15. Schweitzer A. (1963) *Die Lehre der Ehrfurcht vor dem Leben*. Berlin: Union. (Russ. ed.: Shveitser A. (1993) *Blagogovenie pered zhizn'yu*. Moscow: Progress Publ.
16. Schweitzer A. (1923) *Kultur und Ethik*. München: C.H. Becksche. (Russ. ed.: Shveitser A. (1993) *Kul'tura i etika*. Moscow: Progress Publ.)
17. Sorokin P.A. (1997) *Glavnye tendentsii nashego vremeni* [The main tendencies of the modern times]. Moscow: Nauka Publ.
18. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet encyclopedic dictionary] (1979). Moscow: Sov. Entsiklopediya Publ.
19. Spengler O. (1918-1922) *Der Untergang des Abendlandese. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München: C.H. Becksche. (Russ. ed. : Shpengler O. (1993) *Zakat Evropy*. Novosibirsk: Nauka Publ.).
20. Weber M. (1905) *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. Tübingen: J.C.B. Mohr. (Russ. ed.: Veber M. (1990) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*. In: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., pp. 43-271.)
21. Yakovets Yu.V. (2001) *Vzaimodeistvie tsvivilizatsii Vostoka i Zapada: osevaya problema XXI veka* [Interaction between the Eastern and Western civilizations: the main problem of the 21st century]. Moscow: MFK Publ.